

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

*Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
Профессор кафедры зарубежной литературы
Доктор философских наук*

*State University of Tyumen, Tyumen, Russia
Department of Foreign Literature
Doctor of Philosophical Sciences, Professor
borkot@mail.ru*

КРЕАТИВНОСТЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Статья посвящена специфике человеческого мышления на разных исторических стадиях существования. Мифологическое сознание пребывает в ситуации бесконечной провокации, обнаруживая несходство, что стимулирует и побуждает архаического человека мыслить. Неожиданные сопоставления, уподобление несходных вещей, воображение, приписывающее объектам способность быть живыми, становятся механизмами смыслопорождения, создают новые семантические согласования. В условиях избыточного мышления, производящего излишек значений, мифологическое сознание должно научиться различать объекты, выделять их из непроницаемой всеобщности, оно должно стать интенциональным. Направленность на объект лишает восприятие целостности, делает его расколотым ради дифференциации и различия. Сознание мечется между двумя полюсами, отождествляя-противопоставляя субъект объекту, что определило также принципы самопонимания в архаическую эпоху.

Для обозначения себя в качестве человеческого существа в мифе используется образ иного (зверя-тотема, духа природы, даже неодушевленного предмета). Аналогично, пытаясь охарактеризовать внешние объекты, мифологическое сознание неизменно наделяет их антропоморфными качествами, что придает мифологическому сказанию чрезвычайно поэтический оттенок. Любопытно, что подобный мифологическому опыт восприятия намеренно практикуют художники-модернисты

начала XX века. они создают ситуацию, в которой сознанию не на что опереться: параметры для оценивания отменены, прежние значения забыты, все смыслы устранены. авторы культивируют интуицию и воображение, отождествляющее несовместимые предметы, заставляющее увидеть в одном другое. Эффект неожиданности при столкновении значений и форм открывает пространство для создания новой семантики и новых способов выражения. Если в архаическую эпоху отмеченные способы креативного сознания действовали в направлении установления значений и закрепления их в памяти, в модернистской практике те же приемы стали методом сдвига значений, разрушения догматических смыслов.

Ключевые слова: эмоциональное восприятие, мифологическое мышление, мифологический образ, семантика, создание смысла.

CREATIVITY OF MYTHOLOGICAL THINKING

This article discusses some possible ways meaning is produced in the mythological thinking. The point is, that in archaic consciousness the reality is represented as a unity of indistinguishable objects which are not countered by the subject. Mythological perception is never based on the recognition of the

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

known or on the anticipation of the new. Rather, every other look at familiar objects makes visible their new qualities and invisible properties. Unexpected comparisons between disparate things, random and affective associations give rise to new meanings. All in all, there is a surplus of meanings in the mythological thinking. It is argued, that modernist artists of the early 20th century had a similar yet not identical practice of using

such perceptual experience to wittingly destroy common logical connections, which leads to a conclusion that one can create a new semantics by stressing the unexpected qualities or meanings of the familiar images.

Key words: emotional perception, mythological thinking, mythological image, semantics, generation of meanings.

В современном философском и антропологическом знании (Э. Кассирер, К. Леви-Строс, Л. Леви-Брюль) и в литературоведении (Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг) под мифом подразумевается не фантастическое повествование, а определенный способ восприятия, для которого характерно слияние субъекта с объектом, смешение причины и следствия, совпадение вещи и ее знака. Тотальная недифференцированность при восприятии порождает у архаического человека ощущение целостности, определившее стратегии понимания объективной реальности. За способность воссоздавать целостный образ мира подобное мировоззрение было названо мифопоэтическим. Причем под мифическим компонентом подразумевается несоответствие действительности, неадекватность толкования; поэтическая составляющая подразумевает созидание некоей новой реальности, преобразующей действительность в художественный образ. То есть, можно говорить об элементе креативности, в условиях архаического общества не увеличивающей прирост позитивного знания, но очевидно снижающей чувство тревоги и ужаса перед нестабильностью и неясностью окружающей природы.

И сегодня, как только мышление оказывается в ситуации кризиса, надлома, тупика, непременно запускается механизм мифологизации. Все происходит таким образом, словно мифологизация – неотъемлемое свойство мышления, эпифеномен, сопутствующий самому мыслительному процессу.

Мышление, как деятельность сознания по производству смыслов¹, не являет собой набор исключительно логических операций. Вероятно, первые шаги мышления бессознательны, потому мы не в силах их осознать и даже заметить. Мифологические образы архаики дают возможность приблизиться к пониманию основ мышления, поскольку свидетельствуют о работе сознания, начинающего мыслить, обозначают момент до появления парадигматических культурных систем, детерминирующих в дальнейшем мировосприятие человека той или иной эпохи. До этого деятельностью homo руководили инстинкты, позволяющие манипулировать объектами без понимания того, что они собой представляют. Миф является объективацией

¹ Мы подразумеваем под сознанием функцию мозга, благодаря которой человек способен приобретать знание (воспринимать и толковать воспринятое), а также запоминать и воспроизводить знание. Сознание обладает способностью иметь знание о собственных умственных и волевых актах, а также других проявлениях психического. Оно обладает структурой, благодаря которой всякое содержание принимает свою специфическую форму, и к которой в процессе познания присоединяются другие содержания. Поэтому о мифологическом сознании мы говорим, когда речь идет о способности воспринимать мир определенным образом и о содержаниях, возникающих в результате этого восприятия. Когда же речь идет об операциональном осуществлении данной способности, о способах и процессуальных формах восприятия и интерпретации, мы употребляем термин «мифологическое мышление». Мышление вообще характеризуется тем, что в процессе интерпретации существующих данных возникает новое знание.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

ощущений, буквально отражающей перцептивные восприятия. Кроме того, миф ближе всего подблизается к не обусловленному внешней реальностью сознанию, иногда буквально отражающему психические процессы. Его высказывания выдают сознание, мыслящее о самом себе. В этом случае, по словам К. Леви-Строса, разум остается наедине с самим собой и имитирует себя как объект². Антрополог убежден, что при этом законы и операции не отличаются от тех, какими сознание руководствуется в научном и художественном мышлении. А возможно, принципы креативности одни и те же. Попытаемся выяснить, каковы же эти принципы, анализируя образы архаической мифологии. Возможно ли творчество в рамках мифологического сознания, в обществе, где отсутствует субъективность?

Сознание более всего обнаруживает себя не в поведении, но через созданные им образы (языковые, художественные и те, что возникают в быту). «Сознание – это то, что получает свой смысл только в последующих образах; то есть это некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом», – пишет П. Рикер³. Попытаемся выяснить, в какой момент мышления возникают фантастические, невероятные картины реальности, на какой стадии происходит сбой, является ли миф ошибкой восприятия, понимания, или неадекватного толкования. Сами восприятия, возникшие на основе чувственных ощущений, пока они представляют собой ответную реакцию на раздражители, вряд ли можно описывать в категориях «истинный» – «ложный». Восприятие нерелексивно, оно экспрессивно. «Заблуждение» случается в процессе истолкования и прояснения сознанием для самого себя значения полученного восприятия, то есть, в процессе становления восприятия образом сознания.

² Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. - Том 1. Сырое и приготовленное. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 120.

³ Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М.: Искусство, 1996. – С. 19.

Экспрессивное восприятие – первоначально, считает Э. Кассирер, но это не значит, что оно порождает в сознании хаотический мир, переполненный бесформенными впечатлениями. Наряду с созерцанием, представлением, понятием, перцепция, с точки зрения Кассирера, является конституитивным моментом познания. «"Понять" восприятие означает – включить его как один из членов в познание действительности»⁴. С одной стороны, философ убежден, что восприятие не только рецептивно, но и селективно, оно уже выбирает, мнит, обозначает. С другой стороны, он утверждает, сравнивая перцептивное сознание архаического человека и психически нездорового, что оно сосредоточено не на значении, оно захвачено впечатлениями и потому не понимает воспринятого.

Мифологическое сознание, в экспрессии не умеющее различать и разграничивать объекты, создает аффективную иллюзию целостности и единства окружающего мира. В нем все предметы находятся в магической взаимосвязи между собой, все события взаимообусловлены. Одни и те же вещи, явления легко трансформируются в иные образы. Из этой неопределенности, из случайного ощущения целостности обособляются лишь некоторые впечатления, выделяющиеся на общем фоне за счет своей интенсивности, силы и проникновенности. Они овладевают сознанием с тем большей силой и властью, чем больше поражают. Аффективное состояние (в котором невозможно разграничение эмоций, в котором ужас и изумление, страх и надежда, боязнь и восхищение сливаются в одно целое, проявляются как неразрушимое единство, вместе с тем содержащее в себе все возможные чувства) характерно для мифологического человека. Это – чистое экспрессивное переживание, в котором любое восприятие – уже реальность, а все вещи находятся между собой в тождественных отношениях. Весь мир населен живыми и действующими

⁴ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. Том 1: Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – С. 56.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

щими в нем существами, какую бы форму они ни принимали.

Вопрос в том, как экспрессивные восприятия становятся содержаниями мифа? Сами по себе аффективные состояния, как и чувственные впечатления, не могут быть основой для создания такой символической модели. Но они являются основой для возникновения образа, представляемого сознанием. Надо полагать, восприятия становятся значимыми и закрепляются в сознании в качестве образа, если они связаны с эмоционально-оценочным переживанием. Объекты, не вызывающие подобных переживаний при восприятии, не фиксируются сознанием, не остаются в нем в качестве образов памяти. Именно глубокие эмоциональные переживания, даже если они вызваны «ложными восприятиями», становятся основой для убеждения в достоверности происходящего. В последующем сильные чувства вызывают к жизни в процессе познания те же или идентичные значения, даже если проявляются в другой ситуации или в другом контексте. Так аффекты становятся стабильными и приобретают значение реальности еще до суждения. Вот почему возможно характерное для мифологического сознания отождествление всего со всем, установление беспричинной ассоциативной связи, появляющиеся, казалось бы, немотивированно значения, приписываемые объектам, явлениям, событиям. По той же причине все окружающее непременно должно быть живым. В понимании древних, неодушевленных предметов просто не было. Они не видели вокруг себя неживую материю, потому что чувства и переживания указывали на бурлящую, пусть даже невидимую и неявную жизнь. Древнему человеку следовало бы объяснить себе и доказывать потом происхождение неодушевленного мира из живого, что и произошло в мифах о превращении Антропоса – великана, из частей тела которого образовался весь космос и все, что в нем существует (глаза – светила, колени и плечи – горы, волосы – растения, кости – металлы и камни).

Миф отчетливо демонстрирует движение от аффективного недифференцированного восприятия целостности, в котором все объекты предстают как не имеющие границ (могут сливаться друг с другом), не подразделяются на живые и неживые, – к ситуативному эмоциональному оцениванию. Пока образы сознания являются непосредственной реакцией, откликом на ситуацию и длятся соответственно длительности воздействия в рамках данной ситуации, действуют инстинктивные психологические механизмы ориентировки. Об осознании говорить не приходится. Чтобы быть осознанным, образ должен отделиться от референтного предмета; он не должен сливаться с экспрессивным восприятием, совпадать с физическими ощущениями. С этого момента совершается «переход от простого отношения стимул – реакция к интеллектуальной операции, в которой имеют место процессы означивания», – считает У. Эко⁵. Развитие знаковых систем освобождает сознание от экспрессии и аффективности. Но в рамках мифологического восприятия сохранен опыт первой встречи с объектом, миф содержит импульс неотрефлексированного впечатления. Мифологическое повествование – почти экстатическое выражение экспрессивного восприятия, сопровождающегося ощущением удивления, любопытства, настороженности и опаски. В нем есть изумление и растерянность, стимулирующие познание. Подобные чувства объяснимы, так как человек не знает и не предполагает, чего ему ожидать от нового, не узнанного, не определенного и не оцененного объекта. Каждый взгляд на знакомую вещь открывает все новые ее качества, улавливает ранее невидимые свойства, обнаруживая неповторимость, постоянную изменчивость, неопределенность. Чем в данный момент вещь предстает сознанию, тем она и является на самом деле. Если в следующий раз она изменила свой облик (в зависимости от положения в пространстве, от освещения) и показалась чем-то иным, значит, она представляет собой это иное.

⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 261.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

Надо сказать, что принцип мифологического отождествления не исчез бесследно из сознания и преобразовался в художественный прием, известный как метафора. Однако если в метафоре сравниваются два объекта, происходит их уподобление, объяснение одного посредством другого, в мифе дается прямое объяснение, раскрывающее сущность предмета, как она понимается. Индейцы кечуа убеждены: «капли росы на лепестках цветов – слезы луны, плачущей по ночам»⁶. Для кечуа это не перенос или сравнение, ведь людям дано узреть печаль Богини. Владычица Мать-Луна роняет слезы. Именно эти капли влаги человек видит поутру на траве и цветах. П. Рикер кстати говорит о метафоре как основе любого творчества, поскольку она является механизмом смыслопорождения, привносит в высказывание семантические инновации, разрушая принятую логику, конвенциональные концепции, выстраивая на руинах прежнего смысла новое семантическое согласование⁷. Метафора – своего рода интуитивное прозрение истины, внезапное обнаружение сходства разнородных идей, восстановление связи всех вещей. Сравнение-отождествление в мифе возникает из аффективного, экспрессивного опыта, определяющего причинно-следственные связи на основе случайного совпадения, эмоций, событий и ситуаций.

Суть в особой настроенности сознания, готового к несоответствиям, к тому, что явления и вещи не поддаются одним и тем же законам, каждый раз вынуждая определять для них новые границы и новые правила. Мифологическое мышление действует по принципу ожидания нового, а не узнавания. Столкновение с неожиданным возможно даже в хорошо известной, повторяющейся ситуации. Знакомый мир каждый момент жизни показывается в новом ракурсе. Мифологическое сознание пребывает в ситуации бесконечной провокации, обнаружения несходства, то есть оно всегда находится

в состоянии напряжения от встречи с неожиданным и непредсказуемым. Возникает эффект, необходимый для стимуляции мышления. Подобное положение дел описывает Ж. Делёз: «Особенностью нового, то есть различия, является способность пробуждать в мышлении силы, не являющиеся силами узнавания ни сегодня, ни завтра; но силами совсем другого образца в никогда не узнанной и неузнаваемой terra incognita»⁸. Надо полагать, мифологическое сознание способно побуждать к мысли даже в большей мере, чем успокоенное современное научное сознание, стремящееся сохранить неприкосновенными устоявшиеся постулаты. В архаическом сознании не имеется готовых решений, и выбор ответа на возникшую ситуацию затруднен из-за отсутствия реального прецедента. Поэтому сознание может представить несколько вариантов событий или поступков, которые, весьма вероятно, окажутся альтернативными, но одинаково приемлемыми. Обстоятельства, которые повергнут логического человека в оцепенение и вызовут растерянность, побуждают архаического homo sapiens к деятельности, вынуждают его пробовать и то, и это. Так ребенок, не доверяя словам родителей (убеждающих чего-то не делать, так как это плохо, или заставляющих сделать нечто, потому что это хорошо), все равно попытается осуществить негативный с точки зрения предков опыт. Древние люди должны были экспериментально испробовать все варианты, чтобы убедиться (не путем умозрительных рассуждений, а на собственной шкуре, собственных ощущениях и переживаниях) и выбрать наиболее подходящий образ действий.

Постоянно открывая новое в мире, где не существует двух одинаковых вещей, и в то же время все похоже на все, мифологическое сознание обязано делать громадные усилия, чтобы находить общее в единичных предметах, чтобы попытаться их систематизировать. Если всякий раз при виде одной и той же вещи видишь нечто новое, появля-

⁶ Кецаль и голубь. М.: Художественная литература, 1983.

⁷ Рикер П. Живая метафора // Рикер П. Герменевтика, этика, политика. – М.: АО «КАМІ», 1995 – С. 90-91.

⁸ Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – С. 171.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

ется опасность вообще не научиться распознавать их и не научиться ориентироваться в мире, полном разнообразия и подчиненном закономерностям. Чтобы каждый раз заново не переоткрывать открытое и не подвергать опасности новое поколение, возникли ритуальные формы социального поведения. Единственным авторитетным примером для подражания мог служить и стал им мифологический прецедент, то есть события, произошедшие с героями священных сказаний в достопамятные времена. Именно эти происшествия требовали повторения, что и соблюдалось со всей строгостью закона. Необходимость ритуального поведения вызвана тем, что повторение придает действию или образу священный смысл, а это есть способ закрепления в сознании жизненно важных ценностей.

В условиях избыточного мышления повторение – это модель поведения, которая не позволяет прорваться в сознание панике и растерянности, удерживает наплыв негативных эмоций, останавливает обрушившийся на сознание поток значений, не давая им захлестнуть и утопить рациональное «Я», рациональный центр личности. Поэтому ритуальные формы жизни необходимы. Их функция – сохранить равновесие, закрепить позиции на пути поиска закономерностей и повторений. Однако следует принять во внимание, что мифологическое восприятие готово к постоянному столкновению с чуждым, иным, неизвестным. При этом сознание не стопорится и не блокируется. Оно готово тотчас включить механизмы осмысления, или механизмы производства смыслов. Мифологическое мышление – это экстренное и избыточное мышление: в непредвиденной ситуации оно производит излишек значений.

Пока мысль действует не в пределах готовых схем, остается не прирученной, она не видит контраста и противоречия. В то время как логика избегает противоречий, мифологическое мышление выбирает и то, и это, строит суждение как взаимодополнение противоположных смыслов, готово к допущению антинормативного. Мысль не всегда разворачивается в границах очевидного и прове-

ряемого, поэтому логика не во всех случаях оказывается действенной. Силлогизм – насилие над воображением и мифологическим мышлением, закон которого – целостность, а не линейная ясность. Мифологическое мышление имеет ярко выраженную тенденцию к целостности, иногда в ущерб ясности. Ясность обосновывается деятельностью, практикой. Целостность находит свою опору в аффектах. Ясность открывается на уровне фрагмента мира. По большому счету, целостность – единство со всем миром. Сознание не в силах охватить целостность. Она может быть схвачена только в ощущениях, выражена не иначе, как в символах. Выбор средств не ограничен: возможны любые ассоциации, вплоть до совершенно абсурдных, впрочем, при анализе обретающих смысл.

Мифологическое сознание стремится к целостности не потому, что таков его идеал, а потому что мышление делает его расколотым. Мышление, совершающее надлом цельности и единства ради дифференциации и различия. Непреднамеренность, случайность мышления, вытягивающая человека из уютной имманентности и целостности бытия, заставляющая его выйти из собственного оцепенения разума, ощущается как взлом и насилие. Об этом говорит Ж. Делёз: «Существует только невольная мысль, вынужденно вызванная в мышлении, тем более совершенно необходимая, что рождается она путем взлома, из случайного в этом мире»⁹.

Невозможность пребывать более в неразъединенном космическом состоянии – таков первый очевидный эффект начала мышления. Представленное в мифе отождествляется с внешним объектом, не отделяется от предмета как феноменальный образ сознания. Для того чтобы включиться в отношение познания к реальности, сознанию необходимо вырваться за пределы эмоционально-чувственных восприятий, выйти за рамки данной конкретной ситуации. Сознание должно перестать скользить от одного предмета к другому, будучи уверенным в их единстве. Оно должно уметь оста-

⁹ Там же, с. 175.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

навливаться, а значит уметь выделять объект из непроницаемой всеобщности. Для этого сознание должно быть интенциональным. Направленность на объект лишает восприятие целостности, но вместе с тем позволяет сосредоточить внимание на отдельных признаках. Миф рождается в этом усилии сознания сконцентрироваться и обрести направленность. Оно не должно быть рассеянным, охватывая все, что попадает в поле зрения. Оно должно обрести вектор, если человек пытается что-либо осознать.

Смещение акцентов с аффективного восприятия к логике мышления повлияло на опыт самопонимания. В процессе объективации ощущение целостности предстает как чувство слияния с универсумом, тождественности с космосом. Когда человек пытается вывести эти смутные образы на уровень рационального сознания, поиски целостности приобретают характер установления самоидентичности в масштабах макрокосма или микрокосма, в зависимости от того, с чем человек соизмеряет самого себя. Идентификация может строиться как самоотождествление со всем миром (мифология первичного Антропоса, или мистические учения античности). Ощущение целостности человек испытывает и тогда, когда улавливает свою тождественность социуму. Родство с коллективом, например, может быть символизировано образом тотема. Человек архаической эпохи соизмеряет себя (хотя не отдает себе отчета в том, что такое «я») с плохо знакомыми предметами, не обладающими полной определенностью и ясностью, не имеющими очерченных границ. Любой объект, он же и другой объект. Человек – это человек-зверь, богочеловек. В условиях тотальной целостности демаркационные линии отсутствуют, господствует принцип тождества.

Отождествление с иным – только так древний человек способен почувствовать свое существование, стать причастным к полноте жизни, быть вовлеченным в ее поток. Для мифологического субъекта укорененность в бытии возможна лишь при условии его равенства, или способности быть

любой другой вещью, уже существующей в мире, уже известной. Иными словами, Я – человек, только когда Я – не я. Я может приблизиться к себе только через посторонний объект. Любой архаический ритуал (даже учитывая прагматическую направленность на магическое воздействие) имеет цель – утвердить себя в нечеловеческом облике. В обряде человек отождествляет себя с первопредком, с жертвой, с героем, с духом природы или божеством, с любим, чья история рассказывается в мифе. Наблюдается своеобразный парадокс мифологического мышления. С одной стороны, миф стимулирует и провоцирует самопознание, будучи первоначальным способом и средством самоосмысления. С другой стороны, миф ограничивает этот процесс, не позволяя человеку почувствовать свою самость, заставляя определять себя всегда через иной объект. Словом, ранний мифологический опыт самоопределения строится по принципу отождествления с другим. Даже в практическом освоении человек сначала должен оценивать встреченные в жизни объекты в отношении к себе, то есть, по принципу: я – не я. А уже затем он учится устанавливать связи между отдельными предметами и явлениями, сравнивая уже не с собой и своим телом, а друг с другом. Как видим, распознавание объектов, присущих им качеств и свойств с целью определения, происходит параллельно открытию себя. «Только вместе с обретением картины оформленной действительности переживаний он обнаруживает и самого себя как “субъекта”, как монадический центр в многообразии существующего», – пишет Э. Кассирер¹⁰.

Таким образом, процесс антропологизации представляет две одновременные тенденции, вероятно, являющих две стороны медали: осознание собственного Я, но и осмысление порядка всех тех вещей, существующих помимо и независимо от Я. Акт мышления начинается с расщепления сознания на Я и не-Я. Человек должен был научиться думать

¹⁰ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 тт. Том 3: Феноменология познания. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – С. 79.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

о предметах независимо от их присутствия или эмоциональной ситуации. Он должен распознавать вещи независимо от переживаний Я-субъекта. Когда чувствующий субъект не столь важен, теряет значимость, тогда появляется аналитическая позитивная мысль, за счет чего мышление кажется объективным. С этой операции мы вступаем в область рации и способны отдавать себе отчет в том, что происходит в сознании (содержательно, но не операционально). Первоначальные стадии характеризуются тем, что операции мышления неотделимы от содержания. На последнем этапе содержание отделяется, оно заполняет сознание, в то время как процессы уходят в тень.

По П. Рикеру, «развитие сознания соответствует развитию объективности»¹¹. Философ, конечно, подразумевал под объективностью расширение границ понимания и адекватности толкования. Но какие могут быть гарантии, что объективные явления и факты, становясь предметом осмысления, то есть, превращаясь в феномен сознания, не подвергаются опасности быть субъективно истолкованными? Сознание – это всегда чье-то сознание. Если допустить, что субъект – общество, а не индивид, допустить коллективное сознание, тем не менее, без субъекта сознание невозможно. В то время как объект может существовать независимо от сознающего субъекта, сознание не может быть вне субъекта и без объекта. Его развитие подчинено неким общим законам, выражением этих фундаментальных основ мышления в какой-то мере является миф.

Осознание начинается с восприятия, переживания, эмоционального оценивания, и в силу этого оно уже не может не быть субъективным. Сколько бы ни утверждали, что реальность объективна, она дана нам в нашем восприятии. Дж. Серл критикует взгляды материалистов за их нежелание признать субъективистские основания познания: современная наука о мышлении не отличает такие вещи, как познание, разумное поведение, восприятие, от дру-

гих естественных явлений. По его мнению, в исследованиях подобного рода происходит путаница между эпистемологическим смыслом различия субъективного и объективного и онтологическим смыслом. «Но онтологически утверждение, что вся реальность объективна, если говорить на языке нейробиологии, попросту ложно. В целом ментальные состояния имеют несводимо субъективную онтологию»¹².

Анализ мифологических принципов мышления свидетельствует о том, что сознание в процессе познания движется между двумя полюсами, пытаясь выйти за пределы субъективного, когда оно направлено на объект. Достигая цели, устанавливая сходство-различие, оно затем должно быть возвращено в свой собственный центр, сконцентрировано в точке эго. Только в этом случае объект может быть осмыслен как нечто другое, отличная от «Я» вещь. «Субъективность – и не все, и не ничто; она представляет момент объективного процесса (интериоризации внешнего) и в качестве такового непрерывно устраняет себя, чтобы непрерывно возродиться вновь», – пишет Ж.-П. Сартр¹³. Вероятно, это две стороны медали, без которых мышление невозможно. Сознание начинает работу при наличии обоих полюсов, что создает напряжение, которое и заставляет мыслить. Мифологическое сознание – это сознание в состоянии напряжения, сознание, осуществляющее интенцию, направленное на объект, который оно хочет осознать, то есть, овладеть им, сделать своей собственностью, включить в свои рамки. Это сознание в состоянии неуспокоенности, вызванной неясностью, требующей движения. Поэтому миф обладает определенной долей креативности и возникает каждый раз в процессе познания как неотъемлемое свойство сознания.

Итак, новая образность возникает в мифологическом сознании благодаря способности воспри-

¹¹ См.: Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М.: Искусство, 1996.

¹² Серл Д. Открывая сознание заново. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 39;

¹³ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. – М.: Прогресс, 1994 – С. 40-41.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

нимать все окружающее, придавая ему своеобразный антропоморфизм (все объекты живые и подобны человеку). Невероятная вариативность и безграничное воображение являются результатом готовности сознания видеть каждый раз что-то новое в знакомых, привычных вещах. Метаморфозы, происходящие с ними и с самим человеком, можно расценить как некое патологическое состояние, если бы современное творчество не пользовалось всеми этими приемами в качестве новой художественной практики. Модернисты приучили нас к тому, что новое не просто отрицает все устоявшиеся правила восприятия и изображения, но представляет мир не узнаваемым, увиденным как в первый раз, вопреки ожиданиям, устоям. Возникает нечто, не совместимое с традиционными представлениями. Так строится эффект новизны в произведениях художников или писателей всех модернистских течений. Главное – лишить восприятие знакомых ориентиров, чтобы была возможность заново устанавливать точки отсчета, никогда не привыкая к системе. Все существующие параметры для оценивания отменяются, так что сознанию не на что опереться. Модернисты сознательно создают ситуацию забвения всех прежних смыслов, отказываются от прагматической семантической заданности, моделируя в сознании состояние «табула раза», не обремененное смыслами культуры. Архаическим мышлением еще попросту не установлены значения для объектов реальности.

Немотивированные, казалось бы, ассоциации в поэзии футуристов и дадаистов возникают на основе случайного, внезапного взгляда на вещи, открывающего их с неизвестной стороны. В «Техническом манифесте» футуристической живописи и поэзии Ф. Маринетти и его соратники утверждают: «Мы воспринимаем образ интуитивно, у нас нет заранее готового мнения»¹⁴. Авторы убеждены, только очень образный язык способен охватить все разнообразие жизни. И свою программу они строят

с целью «вызвать отвращение к разуму», потому что «всякая система – это измышление лукавой учености». Кстати немало внимания уделено футуристами метафоре, которая должна быть построена на основании случайной связи двух существительных: «женщина-залив», «человек-торпеда», «толпа-прибой». Существительное-двойник возникает спонтанно, как результат внезапного эмоционального озарения. «Не нужны нам эти ”похожий на...”, ”такой как...”», – восклицает Ф. Маринетти¹⁵. То есть, принцип образования сравнения тот же, что произвольно и ненамеренно действует в мифологическом мышлении. Если архаический человек свои интуитивные стратегии выстраивал за неимением и незнанием логического аппарата и техники мышления, футуристы намеренно и вполне осознанно настраивают свое мышление на подобный лад, стараются заблокировать рассудок и тем самым достичь свободы духа.

Против причинности, за «мысль, свободную от контроля разума» выступают также сюрреалисты. А. Бретон в «Манифесте сюрреализма»¹⁶ призывает покончить с ненавистью ко всему чудесному и случайному, с логикой, позволяющей воображению проявлять себя лишь в соответствии с законами практической пользы. Воображение – свобода, с его помощью можно прожить одновременно несколько жизней, то есть, быть каждый раз кем-то иным. Бретон уверен, что в будущем сон, воображение и реальность сольются в некую абсолютную реальность – сюрреальность. Если проанализируем художественные приемы сюрреалистов в живописи и кинематографе, увидим, что эта практика весьма напоминает мифологический опыт. Сюрреализм строит свою образность по принципу: соединение несоединимого, культивирует способность видеть в одном другое, что весьма напоминает мифологическое размытое восприятие, когда одна вещь превращается в любую другую. Также легко в работе С. Дали ваза с фруктами на столе трансформируется в видение женщины на пляже или большого пса,

¹⁴ Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С. 164-165.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 40-73.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

а бюст Вольтера превращается в архитектурную конструкцию с двумя фигурами женщин в полете арок. Приемы, когда предмет выводится из привычного контекста, (Л. Бунюэль активно использует этот прием в фильме «Скромное обаяние буржуазии»); лишается знакомой функции («Подарок» Ман Рэя) ставят зрителя в тупик, не поддаваясь никаким интерпретациям. Эти бесконечные провокации не позволяют воспринимающему составить о произведении какое-либо устойчивое мнение. Как только смысл найден, он разрушается вновь. Только если мифологическое сознание поступает так, потому что законы мышления еще не известны и конвенционально не установлены правила, в художественной практике чувство сомнения культивируется намеренно. Авторы практикуют техники впадения в бессознательное, тогда как архаический человек большей частью пребывал в бессознательном и ему необходимо было учиться вызывать мысль.

Эффект неожиданности при столкновении значений и форм открывает пространство для создания новой семантики и новых способов выражения. Объекты становятся неразличимыми в бесконечных трансформациях и превращениях. Художественное сознание модернистов выступает против всех установленных норм, против рационального сознания, расставляющего все по местам, не оставляющего места воображению. Методическое и целенаправленное обесмысливание выглядит как желание разрушения, на поверку же является методом порождения новых смыслов. Подобный креативный опыт, похоже, выполняет определенную функцию в процессах мышления, заставляя его усомниться в догмах, вырваться из сковывающих рамок. В то время как рациональное мышление накладывает лекало и на методы самоопределения, требуя о-граничить пределы собственного «Я», отграничить человеческое от всего остального, модернисты движутся словно по пути расчеловечивания, пытаясь преодолеть человеческое, земное.

Есть в художественном мышлении модернистов и архаической практике еще один общий мо-

мент, оставшийся за рамками рассуждения, но о котором стоило бы сказать, а именно, – аналогичный опыт трансцендирования. Мифологическое сознание, блуждающее между субъектом и объектом, не умеющее найти опору, пытается определить свой собственный центр сначала в сфере природной (человек определяет себя через тотем). Затем он апеллирует к надприродным формам, объективируя трансцендентный мир в образе богов. Так, креативность мифологического сознания приводит к появлению религиозных представлений. В одном из направлений модернизма отрицание классической традиции также привело к поискам выхода за пределы реальности. Создатели беспредметного искусства желали освободить абстрактные формы от любого сходства с реальностью. Это был путь и средство достичь Беспредельного. В. Кандинский видит задачу живописи в том, чтобы: «духовным взором проникнуть в глубину мироздания и услышать ее тайную и прекрасную музыку»¹⁷. «Черный квадрат» К. Малевича – это прорыв в Ничто: за белой рамой открывается черная космическая бездна, пустота, потенциально содержащая в себе все возможные формы существующего, но и еще не созданного мира, готового проявиться в будущем. По сути, художник воссоздает мифологические идеи космогонии. Сами авторы ни в коей мере не считали абстрактное искусство творческим произволом и самовыражением субъективных устремлений художника. Малевич убежден, что абстрактные формы созданы Интуитивным Разумом, то есть неким объективным, надчеловеческим, внеличным началом. Подобным образом ощущались созидательные возможности мифологическим человеком: для осмысления собственного авторства тех или иных изобретений сознание выдает фигуру культурного героя, доставляющего все готовые предметы или навыки из мира сверхъестественного.

Как видим, принципы мифологического восприятия не ушли из художественного сознания

¹⁷ Кандинский В. О духовном в искусстве. – М.: Архимед, 2001. – С. 15.

Татьяна Иосифовна БОРКО / Tatiana BORKO

| Креативность мифологического мышления / Creativity of mythological thinking |

современных творцов, сознательно использующих приемы и способы аффективного восприятия. Отказ от условностей и каких бы то ни было рамок, неоднозначность любого образа, принимающего любые значения, вариативность и альтернативность установленным образцам расцениваются как качество поэтичности и мера творческого вдохновения. Вероятно, в этих общих тенденциях, обнаруживаемых как в мифологическом восприятии, так и в художественном мышлении, проявляются некие общие закономерности творческого процесса, некие принципы, согласно которым происходит

созидание вообще. Принципы эти, возможно, коренятся в самой природе сознания человека и действуют с начала истории. Если мифологическое мышление не было бы креативным, вряд ли вообще развитие человека стало возможным. В архаическую эпоху отмеченные способы креативного сознания действовали в направлении установления значений и закрепления их в памяти, в модернистских практиках те же приемы стали методом разрушения догматических смыслов, методом сдвига значений, открывающего простор для мышления и новизны.

